

Татьяна КАРЕЛИНА

И ПЛАКАЛО УТРО...

Ночь топила Валентину в тревожной и липкой дреме душного купе. Бесформенные мысли кипели в голове...

От чёткого постукивания по плечу она открыла глаза.

– Сейчас будет ваша станция, девушка. Собирайтесь скорее, поезд стоит одну минуту, – проговорила полусёпотом проводница.

Попутчики крепко спали. Валя спустилась с верхней полки, взяла свой чемодан и, стараясь поменьше шуметь, вышла в тамбур.

За стеклом, несмотря на ранний час, уже рассвело, и, радушно приветствуя её солнечной улыбкой, бежали рядом с поездом бескрайние луга.

Поезд остановился. Из него вышли несколько человек и быстро исчезли из вида. Валя осталась одна.

– Куда идти? Кого спросить?

Пока её взгляд беспомощно ощупывал окружающий пейзаж, поезд почти растворился в желеино дрожащей дали. Её окружала абсолютно не свойственная городу тишина. Рыжая дворняжка спокойно сидела на шлаковой насыпи перрона. По ту сторону рельсов дремали почерневшие от времени дома под лохматыми крышами, криво вросшие в землю. Воздух, настоянный на медовом аромате полевых трав и доннике, обволакивал и дурманил, но жуткая тоска по дому наворачивала слёзы на глаза и стискивала сердце. Так далеко она никогда ещё не уезжала от дома.

Много бы она отдала в тот момент, чтобы вернуться домой. Но два года от-

работки за полученное «высшее» были обязательны, а сюда они с подругой Сашкой Горбуньковой попали по распределению Алтайского крайпотребсоюза.

– Всё, как хотелось когда-то весной... И Алтай мы выбрали сами на распределительной комиссии... Вот так. Приедет скоро Сашка, и всё пойдет своим чередом, – успокаивала себя Валентина.

Она смахнула слёзы, подняла с платформы чемодан и пошла в сторону рыжей дворняги в надежде встретить кого-нибудь из людей. Где-то здесь должна быть остановка автобуса.

Остановка была пуста. По обе стороны шоссейной ленты тянулись одноэтажные дома, а справа возле длинного дощатого забора высотой с человеческий рост в сотне метрах от дороги сидел старик. Он оказался сторожем как раз той базы, где и ждали молодых специалистов.

Валя узнала много от Спиридоныча, так звали сторожа, о здешнем начальстве, о селе, о строящейся гостинице, о речке Алей... Сама же она поведала ему, что приехала из Новосибирска после окончания института, что скоро приедет ещё подруга и они будут работать здесь товароведами.

Первый день был днем знакомства с коллективом и личного обустройства. Как ни обходительна была хозяйка квартиры, для Валентины всё было чужим, безрадостным и холодным. Зато утро следующего дня порадовало приездом Саши. Сразу как-то теплее и приветли-

вее заблестело сентябрьское солнце.

Рабочий день начался с того, что весь торговый отдел в новом составе пригласили в кабинет директора на распределение ролей. Директор Геннадий Иванович – невысокий русский добродушный мужчина лет сорока – распределил обязанности. Вести промышленную группу товаров возложили на Валентину, группой хозяйственных товаров должна руководить Александра, а продовольствием командовать выпало Шурочке, выпускнице Барнаульского торгового техникума, тоже приехавшей сюда по распределению. В составе торгового отдела ещё числился экспедитор Иван, но его не было... Римма Васильевна, приятная женщина, руководитель торгового отдела и заместитель директора базы, поздравила всех с первым совместным рабочим днем и вдруг заявила с порога:

– Девчонки, вы не будете возражать, если мы после обеда прокатимся на машине? Я вам кое-что покажу, время очень подходящее.

Кто же откажется от такого?

И вот, за заготконторовским уазиком пылила дорога, увлекая молодёжь вперед, в бескрайний простор степного Алтая. Скоро вдаль проявились, как в дымке, сизые горы Казахстана, а потом раскинулись великолепные алые ковры мака...

...Народа в зале образцов было немного, и, когда они уже направлялись к выходу, к ним подошел молодой мужчина среднего роста. Вале бросилась в глаза ямочка на его квадратном подбородке. Как у артиста Медведева из кинофильма оперы. Он там был Евгением Онегиным!

Виктор, так звали мужчину, поприветствовал всех и спросил у Риммы, кого это она привела. Он разговоривал с ней на «ты», как старый знакомый, и девушки отошли в сторону, не желая мешать. За разговором Виктор быстро прошёлся взглядом по Александре и стал почти в упор разглядывать Валу. Она с укором отвела глаза и потянула Сашу на выход.

– Девочки, минуточку, – послышался голос догоняющей Риммы Васильевны, – Виктор хотел познакомиться с вами поближе...

– А кто он такой? – спросила дерзко Сашка. – И зачем ему мы?

Ответ на Сашин вопрос очень интересовал и Валу, но она не вступала в разговор.

– Он мой сосед, росли вместе... В школе был заводилой... Многие девчата

по нему с ума сходили. Теперь работает пожарным. А вами заинтересовался – так как иначе? Молодые красивые девчата приехали... Только вы, девчонки, на нем внимания не заостряйте. У нас много хороших парней, и у вас ещё всё впереди.

Часто в коридоре у окна любили поболтать о делах житейских коллеги из разных отделов, любительницы дружить против кого-нибудь, а тут...

– Будет всякая приезжая мелочь в складе моём командовать, как же... Погоди, я ей покажу, кто тут хозяйка! Накажу так, что не отмоет и забудет, как нос совать в чужие дела. Укоротят ей клювик-то. А то, смотрите, приехала тут «товаровед», понимаешь ли, командовать!

– Да брось ты, Лина. Хорошая девчонка. Что ты на неё окрысилась?

Этот разговор в коридоре с бухгалтершей Фисой случайно услышала Сашка, заполнявшая документы за неприкрытой дверью соседнего кабинета.

– И что... Она правда на меня взъелась? Вроде повода не было никакого, – недоумевала Валя.

– Да это Геннадий Иванович её напруг, сказав, что теперь заведующие самовольной торговлей со складов заниматься не будут. Шутка ли – привилегий лишиться? То все ей кланялись, она была царицей бала. Даже директор просил её кое о чем... Ты, Валька, с ней держи ухо востро, не то она тебя мигом подставит.

Пролетели рабочие недели – одна, другая... Не раз уже молодые товароведы побывали в Рубцовске и получали товары со складов головной межрайбазы. Дорога дальняя, сто двадцать километров, и такая долбёжная, что ехать приходилось на малой скорости, чтобы зубы сохранить. Поэтому путь этот в одну сторону преодолевался за четыре с лишним часа... А там надо выбрать товар, составить список отобранного...

Почему-то у Валентины всегда обнаруживалась мелкая недостача... Хотя пачки при сдаче не были вскрыты.

* * *

Воскресенье выдалось солнечным и тёплым. Хозяйка квартиры встала рано. Несколько раз скрипнула входная дверь, а позже вкусный запах печёной стряпни выманил девчонок из-под тёплых одеял.

– Эй, молодёжь, вставайте! Я тут булочек напекла. Идите чай пить с вареньем, пока они не остыли. Скоро вы пере-

едете от меня в гостиницу, – сообщила новость хозяйка. – Туда всех молодых специалистов соберут, как в общежитие. Весело вам будет там всем вместе...

* * *

От почты к реке они шли не по своей, а по параллельной улице, в конце которой начиналась молодая дубрава, уходящая сплошной широкой полосой вдоль берега реки. Особой жары не чувствовалось, поэтому речка к себе не манила. Зато звонко шелестели золотые кроны над головами.

– Сань, ты чувствуешь, как грибы под ногами хрустят? Я себе такого изобилия и представить не могла. А листва-то какая красивая, резная!

– Что, девочки, нравится вам у нас?

Мужчина подошел ближе, и Валя сразу узнала в нём Виктора, собеседника Риммы Васильевны в быткомбинате.

– Давайте знакомиться. Я Виктор.

Волевое лицо, квадратный подбородок с ямочкой, серые с прищуром глаза...

Они побродили некоторое время вдоль речного берега и вернулись домой. Прощаясь, Виктор спросил:

– Можно мне вечером зайти за вами? В кино ходим...

Ответила Саша. Валентина не могла произнести ни слова.

– Заходите, если наша хозяйка будет не против.

– С хозяйкой уж мы уладим, – улыбнулся Виктор.

* * *

Он постучал в дверь вечером около восьми.

– Подожди минутку, мы сейчас, – приоткрыв дверь, бросила Саша, и почти тут же девушки вышли из дома.

– Давайте поторопимся, надо же успеть билеты купить, – предложила Валя.

– Не переживай, Валюша, с билетами полный порядок. Он достал из кармана билеты и показал девочкам.

– А на кого четвёртый билет?

– Друг мой будет ждать нас у клуба... Хороший мужик, мы с ним вместе в армию уходили. Вон, у фонаря стоит, курит. Это и есть мой друг Коля.

Познакомившись с девушками, Коля сразу занял место со стороны Саши. Всё стало ясно: роли распределены.

С последнего ряда не только экран, но и зал просматривался отлично. Свободных мест не было. Николай вёл себя спокойно, внимательно смотрел на экран

и только иногда шептал что-то Саше на ухо. Александра посмеивалась, но была очень естественна. Она уже имела некоторый опыт общения с парнями.

Зато неискушённая Валя трепетала при каждом незначительном движении рук Виктора. Она настолько была напряжена, что содержание фильма не проникало в ее сознание. А Виктор старался то приобнять её за плечи, то легонько сжать кисть её руки и притянуть к губам, то что-то шептать ей о фильме, о Саше с Николаем и всякую ерунду в виде комплиментов.

Наконец фильм закончился, и свежий воздух позднего вечера радушно раскрыл свои объятия. Девчат проводили до калитки, ненавязчиво попытавшись напроситься в гости, а когда затея не удалась, заручились согласием на завтрашнюю встречу и разошлись по домам.

Осень стояла солнечная и нарядная. Такая кого хочешь с ума сведёт. Поздними вечерами в небе мерцали яркие звёзды, и от блещущего дождя звездопада играло воображение. Казалось, подставь ладони – и звёзды сами посыплются в руки даром небесным.

Этим праздником звездопад и стал для Вали. Просиживала она на лавочке в обнимку с любимым далеко за полночь, за разговорами и поцелуями пролетало время. Саша уже несколько раз не ночевала дома.

Октябрь смахнул с деревьев пышные наряды. Вечера и ночи становились холодными и дождливыми, поэтому свидания переселились в дом. Хозяйка уехала на неделю к сестре в другой район. Изредка Саша с Николаем вечерами составляли компанию, и тогда организовывалось застолье, но позже они уходили, и Валя с Виктором оставались вдвоём...

* * *

Валя пришла на работу рано.

Горько и стыдливо плакало утро, пряча в дожде виноватые глаза Вали. Ей казалось, что весь мир осуждает её. То, что произошло с ней, в ее понятии было недопустимым. Когда появилась Саша, Валя, чуть не плача, поспешила ей открыться, пока не пришли коллеги, но та, улыбаясь, произнесла:

– Что ты страдаешь? Ты не первая и не последняя. Все бабы когда-то через это проходят.

Такого откровенного цинизма Валя не ожидала от подруги.

В двери появилась Римма Васильевна, и разговор прекратился. Саша засуетилась и ушла.

– Ты знаешь, что в деревне слухи разносятся быстро? Так вот, мне стало известно, что ты гуляешь с Виктором. Так вот, знай: он женат и у него шестилетний сын. Жена его Алла – моя подруга. Ты прими это к сведению.

Её слова звучали как угроза.

– Что ж вы раньше об этом не сказали?

– Неправда. Я вам советовала сразу не заострять на нём внимания, а ты слова эти мимо ушей пропустила.

Она говорила серьёзно, с укором глядя на Валентину, и та, опустив голову, чувствовала, как от стыда съёживалась её душа.

* * *

В первый же приезд в Рубцовск она купила два стандарта люминала, снотворного, которое выдавалось только по рецепту. Душещипательным рассказом о больной старушке в деревне, мучающейся от бессонницы, Валя растрогала провизора, и та ей отпустила лекарство.

«Усну и больше не проснусь, – думала она. – Лёгкая смерть – и всем станет хорошо».

«Всем ли хорошо будет? – задавал вопрос кто-то изнутри. – А маме?» – «А маме, – отвечала уже она сама себе, – позору будет меньше».

Виктор не показывался уже несколько дней, зато вернулась Сашка. Правда, ненадолго. Она рассталась с Николаем и уехала с кем-то другим, Валя его не знала.

Валя – в гостиницу, а Саша – к Николаю, он сам за ней пришёл.

Гостиница была кирпичная, одноэтажная, внутри пахло новизной и уже подсохшей краской. В каждой комнате стояли по две заправленные кровати и стол у окна.

К Вале подселили маленькую, хрупкую, симпатичную девушку Наташу. Соседство оказалось вполне удачным. В комнате напротив поселились девчата, окончившие Барнаульский торговый техникум и направленные преподавать в здешнее торговое училище.

Новоселье справляли всем общежитием. Пришли Саша с Николаем, и Наташа привела своего кавалера – баяниста из клуба. Высоченный Толя со своим баяном был, конечно, как нельзя кстати.

Новая обстановка понемногу уводила от грустных мыслей. Молодёжь сблизилась настолько, что каждый свободно заходил в любую комнату и был встречен как свой, давно знакомый, почти родной. Оттаивала и душа у Валентины, тем более что девчата делились друг с другом самым сокровенным.

Виктор не заходил уже больше недели, а Валя его ждала всем своим существом и не понимала, почему он не чувствует этого. Каждый вечер, когда Наташа задерживалась в клубе, Валя жила ожиданием. Она прислушивалась к шагам за окном, но нарастающие звуки удалялись и пропадали.

Домой писать не хотелось, она не могла читать, не интересовали ее ни концерты в клубе, ни кино. Она ждала...

Помучившись в ожидании, она заставила себя перестать ждать, стала ходить с девчатами в клуб, попробовала принять участие даже в художественной самодеятельности, но от этой затеи быстро отказалась. Артистки из нее не получалось. С Сашей мельком виделась только на работе, у той была своя жизнь.

За одной из соседок, Надеждой, ухаживал дешёвый паренек, но она его просто игнорировала. Парень статный, приятный на внешность, души в ней не чаял. Выпил он однажды для храбрости и пришел к Надежде в любви объясняться, а она его прогнала:

– Ещё пьяного я тебя не видела тут, выметайся прочь!

Коля вышел из её двери – и напрямик в дверь напротив. Уселся перед Валею, плачет, как маленький, жалуется, что Надежда его не любит:

– Ты, Валь, поговори с ней. Жизни мне без нее нет. Клянусь, я для нее все сделаю, что захочет! Поженимся – самой счастливой будет. А если нет, то мне и жить незачем.

Ой, как понятны Валентине были его слова!

Он вышел из комнаты, тяжело топтал по коридору и, выйдя на улицу, громыхнул входной дверью. Валя зашла в комнату к девчатам и пересказала весь диалог Наде.

– Зачем ты его так мучаешь, Надя? Парень ведь нормальный.

– Знаешь, Валя, ему надо всё и сразу, а я не готова к пожарам. Знаем друг друга мало, что горячку-то пороть?

– Так ты ему срок назначь. Все как-то определенной будет. И ты присмотришься, и он успокоится. А то гонишь просто и без всяких объяснений. Вот он с ума

и сходит. Девочки местные за ним табунами, а он умудрился в тебя влюбиться. Знаешь, как больно быть отверженным?

– Ну, ты – сваха.

– Да при чём тут сваха? Я просто боль эту, как свою, чувствую. Это ж тебе не флирт, а любовь, с ней очень аккуратно надо.

– Ты думаешь, у него это всё серьёзно?

– Думаю, да.

– Хорошо, я тебя поняла, словам вяла, но утро вечера мудренее. Давай чайку попьём!

– Нет, что-то я устала, пойду к себе. Скоро Наташка придет, спать ляжем. Завтра вставать рано, в Рубцовск ехать. Спокойной ночи!

А Наташка уже дома была, лежала и тихо плакала в подушку.

– О, ты дома! А я у девчат напротив была. Ой, да что с тобой? Наташенька, что случилось, кто обидел?

– Валь, ты только никому не говори, стыдно, – с плачем выплескивала Наташка.

– С Толей поссорилась?

– Нет, то есть да. Понимаешь, залетела я.

– Куда залетела?

– Да не куда, а беременная я, понимаешь?

– Да ты что?! От Толи?

– Ну от кого еще? От него, конечно. Сказала ему об этом, думала, обрадуется. А он нахмурился, лицо такой глыбой стало! «Не надо мне детей», – говорит, на аборт посылает...

Не укладывалось в Валиной голове, как такую дюймовочку бросить можно. Кто же он есть после этого? Чем ей помочь, что посоветовать, Валя не знала.

– Значит, не любит он тебя. И человек он нехороший. Брось его, роди себе ребеночка, родители помогут.

– Сказать легко... а я люблю его. И с какими глазами мне перед родителями появиться прикажешь? Ничего ты, Валя, не понимаешь, – еще сильнее заплакала Наташка.

И тогда Валя поведала ей свою историю. Обе ревели белугами. Каждая о своём...

На следующей неделе Наташа избавилась от своего позора, не предполагая даже, что со счастьем материнства ей придется проститься навсегда. Вскоре дюймовочка взяла административный отпуск и уехала.

Из Рубцовска Валентина приехала,

как обычно, поздно и увязанные брезентом два ЗИЛа с прицепами оставила на территории базы. Утром, зайдя в торговый отдел и не обнаружив там никого, отправилась на склад сдавать привезённый ночью товар. В коридоре её перехватил директор и пригласил в свой кабинет.

– Знаешь, Валюша, тут вот какое дело. Заболела Шурочка, а у нее четыре машины водки в Рубцовске выписаны. Их необходимо привезти, иначе район на праздник без водки останется. Осталось четыре дня до седьмого ноября. Я бы Александру послал, но она тоже на работу не вышла. Говорят, с мужем подралась, и он ей нос сломал.

– Как, Геннадий Иванович?

– Уж не знаю, как, а только, кроме тебя, мне и обратиться не к кому.

– Так ведь у меня, считайте, четыре машины товара сдавать надо.

– Ну, за это ты не беспокойся. Я сдам твой товар сам. Выручай, Валентина!

Поверив словам директора и поняв всю сложность создавшейся обстановки, Валя согласилась съездить в Рубцовск. Она отдала свои фактуры, взяла документы на водку и быстро пошла на выход. Благо, машины уже ждали её у ворот.

Обернулась она быстро и за час до конца рабочего дня была уже на базе. Довольная удачной поездкой, она забежала в бухгалтерию и наткнулась на осуждающие взгляды.

– Вы что так смотрите на меня, как будто я в чем-то провинилась?

– А то нет? Такую недостачу сделала и ходишь как ни в чем не бывало.

– Какую недостачу?

Не договорив, Валя бросилась на склад. Лина встретила её ехидной усмешкой:

– Ну что, подружка, воруюешь, дорогой торгуешь, а деньги в карман кладёшь? Вот и попалась. Думала, с рук сойдет? Я и работать с тобой больше не буду, пусть суд с тобой разбирается! Не зря я тебя сразу на склад не пускала: ещё что сопрёшь, а я плати.

– Подождите, Лина... Чего у меня не хватило и на какую сумму?

Та небрежно бросила Вале список недостающих товаров, в котором значились две детские цигейковые шубы, три упаковки трикотажных костюмов, бельё и ещё что-то. Итого на сумму триста семьдесят рублей.

Вале сделалось дурно. Это четыре с лишним месяца жить без зарплаты!

– А вы внимательно товар принимаете? Может, ошибка какая случилась?

– Это ты можешь ошибки допускать, а у меня всё как на весах, будь спокойна. Да вон, иди сама посмотри. Всё тут, никуда не делось.

Валя прошла внутрь склада. Но где она в таком объёме уложенного на стеллажах и в коробках, уставленного в штабеля и наваленного на полу почти до потолка по углам склада товара смогла бы отыскать навскидку, без ревизии, свою маленькую относительно всей массы недостачу? Конечно же, нет. А Лина упивалась своей победой.

«Что тут без толку стоять и выслушивать всякий бред?» – подумала Валя, и покинула этот склеп торжествующего зла.

В конторе её встретил директор и пригласил в кабинет.

– Ну, голубушка, вот от тебя я такого не ожидал! Кто же это тебе позволил дорогой с машин торговать? – возмутился он.

– Геннадий Иванович, да у меня и в мыслях такого не было, да хоть шоферов спросите!

– Тогда отчего же такая недостача?

– Не знаю. А вы сами товар сдавали?

– Нет, мне тут некогда было. Лина одна принимала. Я потом ей в помощь Ивана отправил.

– Тогда всё понятно. Поверьте, Геннадий Иванович, моей вины тут нет. В Рубцовске при загрузке машин я чётко считала всё. Не должно быть недостачи, тем более такой.

– Что ж, ищи. Да, водку-то привезла?

– Привезла, уже на складе.

– Ладно, свободна, иди.

Слёзы, выступившие от обиды в кабинете директора, просохли на глазах, но застряли комом в горле. Валя сидела за своим рабочим столом с застывшим взглядом. Мысли бурлили и клокотали в голове, не находя решения: «Да я уверена, что весь товар на месте, но как проверить?» Здесь-то и была загвоздка. «Да, может, и время ушло. Лина же могла его запросто сплавить с очередным покупателем, вывезти с территории, а там ищи-свищи. Это же так просто при ее знакомствах! А мне где такую сумму взять? Не цедить же родителей! Они не так богаты, чтобы за чужое воровство рассчитываться. Только ведь доказать надо, что воровство не мое, а как? Ревизию делать никто не позволит, да и что она даст, если товара на складе уже нет? Так что хочешь не хочешь, а роль

козла отпущения тебе уготована. Другой раз умнее будешь и за чужим товаром не поедешь, пока свой не сдашь!» Обида брала на директора: пообещал и не выполнил. Никому нельзя доверять.

За такими грустными мыслями и застал её Иван.

– Валь, ты не расстраивайся. Пойдём сейчас и всё найдём.

– Куда пойдём? Я уже там была. Что там найти можно в этой массе? Не пойду.

– Пойдём, – настаивал Ваня, и Валентина, не веря в удачу, поплелась за ним на склад.

На складе Иван начал прорывать ход в кучу пачек в правом углу склада. Он влез туда почти по пояс и стал выкидывать из середины пачки с костюмами, две шубки, потом с верхнего стеллажа скинул две пачки белья, и практически вся недостача была найдена.

– Ну вот, и всё нашлось, а ты не верила.

Даже не взглянув на Лину, они выбежали из склада и направились прямым ходом к директору.

– Всё нашли, – с порога выдохнула Валя.

– Что нашли?

– Да недостачу мою нашли. Если бы не Ваня... – Она притянула его голову к себе и поцеловала в щеку. – И теперь, – продолжала она, – я заявляю официально, что с Линой работать я больше не буду.

Директор отправил Ивана за Линой, а Валю как будто прорвало, и она рассказала директору о всех Лининых кознях, о мелких недостачах, якобы внутри пачек, и незаконном взыскании их стоимости с товароведа, который отвечает только за количество привезенных мест, но никак не за недовложения внутри упаковок. Изумленный Геннадий Иванович только руками разводил:

– Так что ж ты не сказала мне обо всём этом сразу? Мы давно бы это пресекли!

Валя немного успокоилась, когда в кабинет вошла запыхавшаяся Лина с виноватым выражением лица.

– Что ж вы это безобразия чините?! Вам, выходит, доверять-то нельзя?! Я просил вас принять товар, а вы решили нажиться за счет других. Да кого под удар подвела, девчонку! Она ж тебе в дочки годится, – перешёл он на «ты». – А ты, значит, её раздеть решила, голышом по миру пустить? Совести у тебя нет, вот что я скажу! Довела человека до того, что она с тобой работать вместе не хочет.

Не подозревал я, что ты такой подлой быть можешь. Виданное ли дело – дитя обидеть. Вот теперь как хочешь, так и налаживай отношения. В противном случае увольнение последует за недоверие.

Лина плакала навзрыд. Она подошла к Вале, присела на корточки возле ее стула и, глотая слезы стыда, проговаривала:

– Прости меня, глупую, деточка! Прости, не держи обиду. Обещаю, не будет больше подобного никогда. Поверь, пожалуйста! Стыдно мне в глаза тебе глядеть, доченька. Мне ведь и работать теперь нигде не устроиться, а у меня трое малых ребят дома, кормить их надо. Нехорошо я тебя приняла, прости меня, грешную. Ради Бога, прости! Поверь, Валюша!

Сжалилась Валя, успокаивать стала расстроенную женщину:

– Ладно, ладно, не плачьте, пожалуйста. Я не буду отказываться работать с вами. Мне тоже кажется, что у нас с вами все хорошо будет, должно быть хорошо.

Лина прижалась к Валиным коленям и не могла унять слез.

Геннадий Иванович не стал дожидаться, когда разойдутся женщины, и покинул кабинет с надеждой на то, что так быстрее пройдет перемирие.

После этого инцидента отношения между помирившимися коллегами и впрямь наладились. Валя свободно работала с товаром на складе, а когда задерживалась до обеда, Лина добродушно оставляла её на обед, кормила домашней едой. Она даже приглашала Валю к себе в гости, но та, обещая как-нибудь зайти, всё не находила времени.

Ближе к новомуднему празднику централизованной доставкой из Рубцовска на базу завезли красивые вязаные женские жакеты из синтетики различных нежных цветов. Это был писк моды. Валя не могла себе позволить приобрести такую вещь, стоила она половину ее месячной зарплаты, так Лина вложила свои деньги за все старые Валины незаконные взыскания по недостаткам, купила для неё красивый светло-сиреневый жакет и торжественно преподнесла ей подарком к Новому году. Радости Валентины не было предела.

Задружили по-доброму Надежда с Николаем. Даже тихоне Лиле судьба подарок преподнесла. Вернулся домой со службы демобилизованный солдат по имени Андрей, парень стройный, скромный с огненно-рыжей шевелюрой.

Местные девчата на танцах все глаза на него проглядели, а ему понравилась Лилия. Приглашал он её на все танцы, а потом провожать пошел. Так и завязалась новая любовь.

Подружили они с недельку, и Андрей пригласил её и всех девчат к себе домой отметить возвращение из армии, а заодно устроить для родителей что-то вроде смотрин. Приглянулась Лилия и родителям. Оказалось, что красивый новый рубленый дом Андрея был крайним на той же улице, где жил Виктор. Дальше начиналась та прибрежная дубрава, где гуляли Валентина с Александрой по яркому осеннему ковру в начале сентября. Добродушные родители Андрея приглашали молодёжь пройти во двор, когда появился Виктор. Увидев Валю, он широкими шагами подошёл к ней и громко заявил:

– А ты какого чёрта здесь делаешь? Тебя только здесь не хватало! Пошла отсюда, чтобы я тебя не видел больше! Это друга моего дом.

От неожиданности и стыда Валя залилась краской, но всё же взяла себя в руки и парировала:

– Подумать только, командир нашёлся! Ты здесь такой же гость, как и я. Иди домой командовать.

Тот немного оторопел от такого неожиданного отпора, он от Вали и слова против не слышал никогда. Но, чуть помедлив, насупил и уже угрожающе зашипел:

– Пошла отсюда, сказал, пока не получила.

Тут девчонки подскочили, не понимая, в чём дело, и стали Виктора унимать. А Валентина вышла за калитку и не пошла, а побежала прочь от этого дома, от позора и обиды, закрывая лицо руками, не слыша окликов подруг и не видя ничего вокруг. Она даже предположить не могла, что таким хамом мог быть Виктор! И как можно вот так, ни за что, опозорить человека? Такой боли, которая теперь ей выжигала душу, она еще никогда не испытывала.

«И это чудовище я любила?! О Боже!»

Добежав до гостиницы, она мгновенно влетела в свою комнату и закрыла дверь на ключ. Тут-то и пошёл в ход люминал, припрятанный ею во внутренний карман чемодана. Оба стандарта враз проглотила она, запив водой из графина, и прилегла на кровать.

Надя с Лилей и Андреем, вернувшись в гостиницу, первым делом постучали к Вале. На стук никто не отозвался. Надя

ещё постучала в дверь, заглянула в замочную скважину и, убедившись, что Валя на месте, стала стучать сильнее. Лиля с Андреем побежали в кочегарку за дядей Митей, а Надя непрерывно стучала кулаком в дверь и звала Валю. Подоспевший дядя Митя поддел фомкой дверь, и она послушно сошла с петель. Валя спала на кровати, а на столе лежали пустые пачки от снотворного. Все сразу догадались, в чём дело, и вызвали скорую помощь.

Врачи какое-то время поколдовали над спящей Валентиной и уехали, успокоив взволнованный народ словами:

– Вы её не трогайте, пусть она спит. Мы, что могли, сделали. Завтра она проснётся сама, благо снотворного было мало для летального исхода. Организм крепкий, молодой, справится. Так что не волнуйтесь, всё будет хорошо!

Надя ночевала в комнате Вали на Наташиной кровати и, довольная тем, что Валя встала сама со звонком будильника, напоила её горячим чаем с печеньем, не заводя разговора о вчерашнем. Дорогой Валю шатало, как пьяную, из стороны в сторону, и эта неустойчивая походка сохранялась ещё три дня. Никто ни на работе, ни дома с Валею словом не обмолвился о случившемся, хотя весть эта облетела, наверное, всю деревню. Здесь не практиковались такие радикальные решения проблем, но на базе с сочувствием отнеслись к ней, понимая, как не просто было ей пережить горе и обиду, свалившиеся как ком с горы на молодые, но ещё очень хрупкие, как оказалось, девичьи плечи.

Но время – лучший лекарь, и спокойно за работой проходили дни. Виктор не раз приходил, пытаясь помириться, но для Вали он уже не существовал.

Редко виделась Валя с Александрой, видимо, у каждой обозначилась своя дорога. Лиля вышла замуж за Андрея и жить ушла в его дом. Чуть позже Надю сосватал Николай и тоже увёз из гостиницы. А вскоре пришло неожиданное сообщение о том, что базу ликвидируют как нерентабельную, и кадры распределяют кого куда. Сашу перевели в райпотребсоюз, так как она вошла в семью здешнего жителя, а Валя была сокращена в связи с ликвидацией предприятия и могла ехать домой без дальнейшей отработки за полученный диплом. Это Геннадий Иванович из уважения и хорошего расположения к Валентине предоставил ей такую возможность.

Поезд подъезжал к Новосибирску. За окном бежали знакомые до боли места, нередко снившиеся ей ночами и манившие к себе, особенно во времена душевного ненастья. Вот пересекли проспект Строителей Академгородка, взгляд пробежался по благодатной зелени сосновых крон... На мосту через Иню Вале вспомнилась дача в Издревой... Потом поезд обогнул почти вертикальную скалу Ключ-Камышенского плато и приближался к станции Новосибирск-Южный. Ещё чуть-чуть – и здание вокзала Новосибирск-Главный радушно раскроет перед ней свои двери и скажет: «Добро пожаловать!»

В сердце умещались радость возвращения и щемящая тоска расставания со ставшей так быстро привычной свободой.

